

ГРАНИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

В.И. Дятлов

«КИТАЙСКИЕ РЫНКИ» РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ – «УХОДЯЩАЯ НАТУРА»?

*Дятлов Виктор Иннокентьевич,
профессор кафедры мировой истории
и международных отношений
Иркутского государственного
университета, заместитель главного
редактора независимого научного
журнала «Диаспоры», директор
Исследовательского центра
«Внутренняя Азия», e-mail: dyatlov@irk.ru*

На протяжении последних лет «китайские рынки» стали обязательной принадлежностью большинства крупных городов Сибири и Дальнего Востока, важным элементом их экономической и социальной структуры. Их необходимо изучать как важную, в некоторых случаях ключевую, часть системы розничных и мелкооптовых рынков. Важно оценить их роль в экономической и социальной динамике региона и страны. Необходимо понять, какую роль они играют в миграционных процессах. Именно на «китайских рынках» концентрируется значительная, а возможно и большая часть экономических мигрантов из КНР. Это основное поле их экономической деятельности, место и механизм их новой социализации, адаптации к принимающему обществу. Сюда направлены огромные товарные потоки из Китая, здесь формируются и концентрируются в руках мигрантов не менее значительные финансовые ресурсы, просто оценить масштаб которых представляется важнейшей, хотя и очень трудной задачей. Через изучение «китайских рынков» можно многое узнать о деловых практиках и деловой культуре мигрантов, их образе жизни, манере поведения.

В изучении современных процессов миграции граждан КНР в Россию и адаптации их здесь произошел в последние годы ощутимый прорыв. Можно говорить уже о том, что формируется историографическая традиция, намечены направления работы, поставлены важные исследовательские задачи, постепенно определяются методики и исследовательские приемы¹. Учитывая «молодость» самого объекта изучения, фактическое отсутствие исследовательской традиции, работу в режиме реального времени, катастрофический дефицит информации, неразвитость источниковой базы вообще – это неплохой результат. Ученые – представители смежных научных дисциплин, отчасти практики, ведомственные аналитики, сумели заложить основы интереснейшего, перспективного, имеющего огромное практическое значение научного направления.

Эта ситуация дает возможность, более того – заставляет задуматься об углублении и расширении исследовательского поля, возможно даже о заметном изменении исследовательских приоритетов. Пока основные усилия ученых сосредоточены на анализе миграционных потоков, на оценке явления с точки зрения национальной и общей безопасности для российского государства и общества. Несомненно, изучать динамику численности и структуры миграционного потока из Китая в Россию необходимо и в дальнейшем. Более того, убежден в необходимости создания системы мониторинга этого процесса. В конце концов, должны же мы, наконец, более или менее точно ответить на сакраментальный вопрос: «сколько китайцев в России?».

Ответить, в том числе и для того, чтобы убедиться – одно только знание количественных показателей не дает и не может дать адекватного понимания проблемы. Пора переходить от измерения потоков к анализу форм, методов и механизмов деятельности мигрантов, их адаптации к принимающему обществу, к изучению их жизненных стратегий и мотиваций, практик жизни и экономической деятельности. К исследованию формируемых ими сетей: их структуры, механизмов генезиса и функционирования, форм и методов деятельности. На первый план выступает задача изучения самих мигрантов и формируемых ими сообществ. Необходимо также посмотреть на мигрантов как на важный – и уже сейчас интегральный элемент российской экономики. Как на составную часть стремительно меняющегося российского общества. Убежден, что для формирования адекватного представления о роли китайских мигрантов важно не столько знание количественной стороны, сколько понимание того, кто такие эти мигранты, как и почему они мигрируют и живут в принимающем обществе, какова их реальная роль в экономике – коль скоро это трудовая, экономическая миграция.

Конечно, все эти сюжеты и темы попадали в поле внимания отечественных исследователей. Проблема в приоритетах – это направление ис-

следований, на мой взгляд, должно выйти на первый план.

Крайне важно, с этой точки зрения, комплексно, подробно и всесторонне изучать феномен, который чаще всего называют «китайскими рынками». На протяжении последних лет они стали обязательной принадлежностью большинства крупных городов Сибири и Дальнего Востока, важным элементом их экономической и социальной структуры. Если мы хотим понять, что происходит в недрах формирующегося в России китайского сообщества, мы должны обратить самое пристальное внимание на «китайские рынки». При этом надо реально представлять себе, что ими деятельность китайских мигрантов в стране не ограничивается, что необходимо выделить и подвергнуть не менее тщательному анализу и другие объекты (скажем, студенческие сообщества).

Городскую жизнь России эпохи бурных перемен конца XX–начала XXI веков трудно представить без невероятно разросшейся системы мелкооптовых и оптово-розничных рынков под открытым небом. Они стали не просто ключевыми элементами формирующейся рыночной системы снабжения, а значит и жизнеобеспечения, низших и средних слоев населения страны, но и площадкой, полигоном, на котором происходило формирование слоя массового мелкого предпринимательства. Сюда сходились огромные товарные и денежные потоки, концентрировались самые разнообразные интересы. Здесь происходила стыковка формальной и неформальной экономик. В конце концов, без регулярных походов на такие рынки трудно представить себе стратегию экономического выживания основной массы горожан².

Рынки были не просто торговыми площадками – иногда небольшими, иногда огромными территориями, заставленными прилавками, навесами, ларьками, киосками, контейнерами, ангарами. Сюда стекались огромные потоки покупателей, здесь работали продавцы, грузчики, охранники, разносчики еды, карманники, представители массы других профессий. Вокруг них формировалась разветвленная инфраструктура поставщиков, посредников, продавцов самых разнообразных услуг – от предприятий общественного питания до казино, от различных форм охраны и покровительства до транспортировки и хранения товаров. Это были, как правило, процветающие хозяйствующие субъекты, за контроль над которыми часто шла ожесточенная борьба.

Рынки стали (по традиции, заложенной еще в советские времена) и притягательным центром для постоянно растущего потока мигрантов из «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Сейчас это не только рабочее место, площадка для реализации экономических амбиций трудовых мигрантов. В качестве формы деловой активности и деловой культуры мигрантов они превратились в социальный организм, сгусток сетей социальных связей, инструмент самоорганизации и социального контроля. Став основным

«местом встречи», они превратились в механизм и инструмент взаимной адаптации принимающего общества и мигрантов: там происходило привыкание к совместной экономической и социальной деятельности, персонификация, осознание взаимной зависимости. Конфликтные ситуации во многом были проявлением и формой интеграционного процесса.

Концентрации мигрантов и их деловой активности на многих рынках сделала их в глазах окружающих «этническими» – «китайскими», «азербайджанскими», «кавказскими» или «среднеазиатскими». И в этом своем качестве они из хозяйствующего субъекта и снабженческой структуры превращаются в важный элемент общественной жизни, предмет общественно-политических дискуссий и инструмент политического манипулирования. Нет никаких сомнений, что хрестоматийными в этом качестве станут правительственные меры 2007 года по изгнанию с рынков иностранных граждан. Меры эти, кстати, дословно повторяют стремительно обанкротившиеся кампании по «африканизации», прокатившиеся по большинству стран Африки в 1960–70-х годах³.

Насколько и чем этничны «этнические рынки» – это вопрос, требующий дальнейшего теоретического осмысления и анализа конкретных ситуаций. Так же, как и более общая проблема «этничности «этнической экономики»⁴. Очень важно на конкретных проблемах выяснить, какова роль этничности в формировании отношений на рынках, в деловых практиках отдельных торговцев и их сообществ. Не аксиоматичен и вопрос о том, существуют ли такие сообщества – не исключено, что мы зачастую расцениваем в качестве таковых простые совокупности. Если же существуют – насколько в их основе лежит фактор этнического происхождения, этнического самосознания, связей на этнической основе.

Постепенно, хотя и не так быстро, как хотелось бы, феномен, который в зарубежной исследовательской традиции чаще всего называют «неформальной экономикой», и который глубоко изучался на примере модернизирующихся экономик стран Азии и Африки, становится объектом интереса отечественных исследователей⁵. Однако рынкам, как институтам и социальным организациям, уделяется внимание, несопоставимое с их ролью в жизни современного российского общества.

При всей огромной роли мелкооптовых рынков вообще и этнически-маркированных, в частности, объектом исследовательского интереса они практически не стали. Конечно, писать о них трудно, т. к. современный российский бизнес и мигрантские сообщества – чрезвычайно закрытые миры. Оттуда поступает мало информации, она обрывочна и противоречива. О многих процессах и явлениях приходится строить предположения, основывая их на шаткой фактической основе. Однако жизнь рынков протекает не гладко, внутренние противоречия нередко выливаются в открытые конфликты – а это способствует информационным «выбросам». Проблема

обсуждается во властных структурах, общественных организациях, в том числе китайских. За жизнью рынков пристально смотрит пресса – а это одновременно и носитель информации, и зеркало общественных настроений, и инструмент их формирования. В общем, ситуация не безнадежна, хотя и трудна.

Тем не менее, публикации о «китайских рынках» можно пересчитать буквально по пальцам одной руки. Это несколько моих статей об Иркутске⁶, есть два небольших, но насыщенных очерка об Уссурийске и статья о рынке «Таганский ряд» в Екатеринбурге⁷. Можно только предполагать, что описанные в них случаи типичны и отражают общие для страны процессы. Но с полной уверенностью говорить об этом трудно, а вскоре станет и вообще невозможно: сейчас роль таких рынков радикально меняется, что дает основание говорить об «уходящей натуре». О феномене, который вскоре (а во многих параметрах – уже и сейчас) придется уже не описывать, а реконструировать.

Между тем, «китайские рынки» необходимо изучать как важную, в некоторых случаях ключевую, часть системы розничных и мелкооптовых рынков. Важно оценить их меняющееся место в экономике города и региона, роль в снабжении населения (особенно низкооплачиваемой части) товарами массового повседневного спроса, позицию на рынке труда, масштабы и направление товарных и финансовых потоков, юридический статус и т. д. Короче говоря, чрезвычайно важно посмотреть на все стороны их существования и деятельности в качестве хозяйствующих субъектов. На их роль в экономической и социальной динамике региона и страны.

С другой стороны, важно понять, какую роль они играют в миграционных процессах. Даже первый, поверхностный взгляд показывает, что именно на «китайских рынках» концентрируется значительная, а возможно и большая часть экономических мигрантов из КНР. Это основное поле их экономической деятельности, место и механизм их новой социализации, адаптации к принимающему обществу. Сюда направлены огромные товарные потоки из Китая, здесь формируются и концентрируются в руках мигрантов не менее значительные финансовые ресурсы, просто оценить масштаб которых представляется важнейшей, хотя и очень трудной задачей. Через изучение «китайских рынков» можно многое узнать о деловых практиках и деловой культуре мигрантов, их образе жизни, манере поведения.

Через «китайские рынки» в российские города вошел Китай. Вошел в их обыденность и повседневность, стал неотъемлемой составной частью экономической жизни, быта, общественного сознания. Если вдуматься, теперь это основное место встречи цивилизаций и культур. Место и механизм постоянного контакта, взаимного узнавания и привыкания людей разных культур. Через отношение к «китайскому рынку» зачастую происходит социальное самоопределение представителей принимающего обще-

ства. Покупать или не покупать здесь – это символ их социального статуса и престижа.

Причем местные жители участвуют в жизни рынков не только в качестве покупателей. Реально, рынки давно стали интернациональными, что заставило меня взять в кавычки словосочетание «китайский рынок» в этом тексте. Сложился большой слой местных жителей, профессионально обслуживающих рынки или непосредственно на них работающих в разном качестве. Повседневное общение и сотрудничество ведет к парадоксальному на первый взгляд результату – уровень межэтнической конфликтности здесь минимален. Хотя, казалось бы, сам акт торговли конфликтен по условию, а когда представители разных этнических групп находятся по разные стороны прилавка, это не может не провоцировать взаимного недовольства и конфликта. Тем не менее, этого не наблюдается. Преобладает понимание взаимной полезности и необходимости.

Одновременно, «китайские рынки» – это предмет головной боли городских властей, их тяжелейшая управленческая задача. Приходится решать сложнейшие транспортные, санитарные проблемы, бороться с криминалом, коррупцией, массовым уклонением от уплаты налогов. Остро стоит проблема массового нарушения миграционного законодательства. К «китайским рынкам» обращено постоянное, пристальное, и часто не очень доброжелательное, внимание прессы. Это излюбленный объект риторики многих политиков, видящих в «китайских рынках» символ «китайской экспансии» и «желтой опасности».

За тринадцать лет существования «китайский рынок» «Шанхай» в Иркутске превратился из торговой площадки в сложный, саморазвивающийся и саморегулирующийся организм, во многом живущий по собственным законам и правилам. Одновременно он стал интегральной частью иркутской экономической и общественной жизни. Его жизнедеятельность регулировалась не только (и не столько) официальными нормами и инструкциями, сколько сводом не писанных (и потому действенных) правил, обычаев, законов. Помимо официальной администрации эффективно функционировали различного рода неофициальные управленческие структуры, лидеры, хозяева.

Люди, так или иначе занятые на рынке, это не конгломерат, неформальное скопление торговцев и обслуживающих их работу охранников, уборщиков, разносчиков еды, таксистов и т. д. Они жестко организованы, структурированы, связаны сложной системой взаимных обязательств и ответственности. Опыт иркутского рынка «Шанхай» показал, что его члены способны на массовые коллективные действия, требующие высокого уровня организации, жесткой внутренней дисциплины, эффективного руководства. Можно привести в качестве примера несколько коллективных акций (забастовок, пикетирования городской и областной администрации),

в которых участвовали как китайские, так и местные торговцы. Уникальным для России событием стало создание собственной газеты «Восточно-Сибирский Шанхай», энергично и довольно умело отстаивавшей право рынка на существование.

Это многофункциональная структура – помимо собственно торговой деятельности там сложился комплекс сервисных и развлекательных услуг (от нелегального казино и собачьих бегов до подпольной мастерской по изготовлению подпольных документов, от сети кафе и столовых до охранной, транспортной, консалтинговой инфраструктуры).

Далеко не все китайские мигранты Иркутска работают на «Шанхае», видимо, даже не большинство. И уж тем более, они не живут там. Но там сходятся сети отношений и связей, там находится невралгический центр формирующегося китайского сообщества города. И закрытие первоначального ядра китайского рынка вряд ли что принципиально изменит.

В чем причины такой живучести? Если шире – почему так стремительно сформировались общинные структуры и почему они так сильны и эффективны? Является ли это следствием «национального характера» китайцев (и тогда неизбежен вопрос – а что это такое вообще – «национальный характер») или это результат общемигрантской ситуации? Иначе говоря: китайские мигранты создают общинные структуры потому, что они китайцы или потому, что они мигранты? Это результат естественного стремления к взаимодействию с людьми своей культуры, своего языка, выходцами из своей страны – и/или это особый тип организации общества, специфический механизм социального контроля и власти?

Оставлю за скобками «национальный характер» – в силу очевидной априорности, неопределенности и низкой инструментарности этой категории. Обратимся к ситуации мигранта. Его успех во многом зависит от уровня и характера удовлетворения адаптационных потребностей. В принимающем обществе мигрант остро нуждается в статусе, безопасности, связях, информации. Это необходимо для обеспечения миграционного трафика (от принятия решения ехать до обустройства на новом месте); создания условий для эффективной экономической деятельности; поддержания отношений с исторической родиной (от переводов и поддержки семей до возможности быть погребенным в родной земле); обеспечения социокультурных и бытовых проблем (от необходимости освоить язык, нравы, обычаи, нормы, манеры поведения, одежды и т. д. принимающего общества до сохранения и поддержания собственной идентичности, сохранения родного языка, обычаев, норм, манер).

Добиться решения этих сложнейших задач индивидуальными усилиями мигранта невозможно. Формальные и неформальные сети и сообщества помогают им осваиваться в социальном пространстве российских городов, удовлетворяют спрос на базовые потребности в чужом обществе. Вся эта

система функционирует в рамках рыночных отношений, является ее интегральной частью. Поэтому оказываемые в ее рамках услуги стоят денег. Но это не единственная цена. Основная плата – это подчинение, вхождение в систему непреложных обязательств, клиентельной зависимости.

Результат – формирование общинного ядра, не только и столько среды людей одного языка и культуры, сколько механизма социального господства, контроля и подчинения. Со своими законами, механизмами их выполнения и системой санкций. Община и общинная солидарность могут функционировать и как механизм взаимной поддержки и контроля, и как оружие в борьбе за ресурсы в принимающем обществе. Они обладают огромным мобилизационным потенциалом.

Такую стратегию адаптации мигрантов можно оценить как вполне успешную и эффективную. Но в ней же заключается источник уже формирующихся проблем и конфликтных ситуаций. В ее результате возможно формирование неких твердых «ядер», непроницаемых для посторонних. Это предпосылка для «закукливания» мигрантов в рамках своих общностей, что явно может понизить их стремление к социокультурной интеграции в принимающее общество. Напрашивается гипотеза о том, что такое общинное образование закрыто от принимающего общества не только социокультурной и этнической чужеродностью, но и принципиально иным типом социальных связей, регулирования и власти.

Неизбежное и далеко идущее следствие формирования ядра общинности в атомизированном, индивидуалистичном обществе – постоянный контакт и взаимодействие двух разных, возможно несовместимых типов социальной организации. Разнотипных механизмов регулирования человеческого поведения. И если в дореволюционной России, или, скажем, в современной Индонезии, где и принимающее общество во многом было или является общинным, такое общинное образование органично встраивалось в общинное же общество (модель гетто), то в современной России неизбежны отторжение и конфликт.

Возможно, это основная причина того, что в России так опасаются появления собственных чайнатаунов. Широко распространены и старательно поддерживаются прессой, многими политиками и идеологами представления о «желтой опасности» и «китайской угрозе». Явное напряжение существует вокруг «этнических рынков» – хотя и здесь уже сложилась собственная мифология, а изучение реальной ситуации подменяется идеологическими конструкциями. Как правило, не учитывается динамика процесса – в 1990-х годах остались, в частности, регулярные погромы на рынках многих российских городов. И причина этого отнюдь не в том, что «вертикаль власти» сумела обуздать погромщиков и сбить погромные настроения. Кондопога, бесчинства «скинхедов» говорят и о существовании подобных настроений и о неумении (а возможно и нежелании) властей справиться с

этой проблемой. Но рынки постепенно выходят из эпицентра конфликта.

Тем не менее, закрытие иркутскими властями рынка «Шанхай», который был муниципальной собственностью и приносил городу немалые доходы, свидетельствует о сложности ситуации. На уровне страны об этом говорит политика правительства, направленная на вытеснение иностранцев с открытых рынков. И хотя это мера носит отчетливо популистский характер, ставится под вопрос само существование «этнических рынков» в стране.

Так что же, «китайские рынки» – это «уходящая натура»? Феномен, который сыграл свою роль – и роль огромную – а теперь власть при явном одобрении значительной, возможно, даже преобладающей части общества, добивается его ликвидации? Каковы же в этих условиях их перспективы?

На деле, это две разных, хотя и теснейшим образом связанных проблемы. С одной стороны, это вопрос о перспективах открытых розничных и мелкооптовых рынков (рынков под открытым небом). Другая проблема – перспективы китайского этнического торгового бизнеса, его территориальных «сгустков», кластеров.

Что касается перспектив открытых рынков (розничных и мелкооптовых). Их роль падает и будет падать в силу чисто экономических причин. Правительственные меры могут только ускорить динамику процесса. В эту сферу бизнеса бурно вторгается организованный, формальный бизнес, несущий с собой новые современные технологии. Экономически выгодным становится работать в сфере обслуживания потребителей с низкими доходами («рынки для бедных»). Отсюда вытесняется «неформальный бизнес», ориентированный не на получение прибыли, а на извлечение минимальных ресурсов для жизни. Это, конечно, только тенденция, ведущая к изменению пропорций, а не к уничтожению мелкого неформального предпринимательства.

На смену открытым рынкам идут:

- крупные современные оптовые базы и предприятия с современными технологиями, отлаженной системой логистики, информационного обслуживания, доставки, расфасовки, растаможивания и т. д.;
- торговые розничные центры современного типа (супермаркеты, торговые ряды, пассажи и т. д.);
- важную роль будут играть (а во многих крупных городах уже и играют) специализированные супермаркеты для малоимущих («Копейка», «Пятерочка» и т. д.);
- крытые продовольственные рынки; всегда будут существовать блошинные рынки (в отечественной традиции – «барахолки»);
- вряд ли полностью исчезнут и открытые рынки с их прежними функциями. Но они будут оттеснены как на окраины городов, так

и на периферию экономической жизни.

Таким образом, «шанхай» в их привычном виде и качестве довольно скоро уйдут, лишатся своего прежнего значения. Однако рискну предположить, что полное или частичное исчезновение старого типа «китайских рынков» не будет означать ухода китайского бизнеса из торговли, в т. ч. мелкой, розничной. Вряд ли уйдут в прошлое и «кластеры», места территориальной концентрации китайского торгового бизнеса. Все это будет – но в других формах.

Залогом этого является то, что китайский бизнес в России накопил большие ресурсы (не только капиталы, но знания, опыт и связи). Он продемонстрировал огромную адаптивность к суровым и стремительно меняющимся условиям. Он не откажется от такого мощного ресурса, как опора на общинность и клановые связи и механизмы.

Китайский бизнес пришел в Россию навсегда. Он будет меняться, приспособливаться к экономической и политической конъюнктуре, но не уйдет. Он уже перестал быть чужеродным для экономической и общественной жизни России, стал своим и необходимым. Теперь это неотъемлемая часть российской социально-экономической системы.

В ответ на правительственные меры по вытеснению иностранцев с рынков, в частности, была мгновенно и эффективно задействована система подставных лиц, механизм смены юридического статуса, маневра ресурсами. На место открытых «шанхаев» уже сейчас идут крытые пассажи, торговые ряды и супермаркеты с китайскими капиталами, товарами и рабочей силой. Иркутский «Шанхай» ликвидирован как юридическое лицо. И тут же расцвел рынок «Маньчжурия».

«Китайские рынки» – «уходящая натура»?

Примечания

1. Смотри, в частности: Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. Московский центр Карнеги. – М. : Гендальф, 1999; Перспективы Дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда / под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. – М. : Гендальф, 1999. (Рабочие материалы. Московский центр Карнеги. – Вып. 2); Диаспоры. 2001. – № 2–3; Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М. : Наталис, 2000; Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. – М.: Муравей, 2001; «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке / под ред. В. Дятлова. – Москва – Иркутск: Наталис, 2004; Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня. Исторический очерк. – М.: Муравей, 2003; Ларин А. К вопросу о китайской «демографической экспансии» // Проблемы Дальнего Востока. – 2002, № 6; Ларин В. Китайский фактор в общественном сознании россий-

- ского приграничья: срез 2003 года // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 4; Гончаров С. Китайцы в России – кто они? // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 4; Портяков В. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 3.
2. 28 марта 2007 г. в «РИА Новости» состоялся круглый стол на тему «Трудовая миграция и розничные рынки». Заместитель председателя Объединенной комиссии по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при Совете Федерации Владимир Слуцкер отметил, что сейчас в России насчитывается около 6 тысяч розничных рынков, на которых занято 1,2 млн. человек. «Рынки полностью одевают, обувают, кормят и поят все население России... Большинство потенциальных покупателей рынков – малообеспеченные россияне, поэтому любые непродуманные действия по регулированию рынков могут существенно подорвать их жизненный уровень», – отметил В. Слуцкер // Московское Бюро по правам человека. Хроника МБПЧ: март-апрель 2007 г. (<http://antirasizm.ru>)
 3. Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: торгоши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. – М., 1996. – С. 154–204.
 4. Бредникова О. Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика: Сб. стат. По материалам межд. Семинара/ под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова, Е. Чикадзе. Центр независимых социологических исследований. Труды. – Вып. 8. – СПб, 2000. – с. 47–53.
 5. Неформальная экономика. Россия и мир /Под ред. Т. Шанина. – М. : Логос, 1999; Занятость населения в стихийной торговле и сервисе: экономико-социологическое исследование/ Под общей ред. С. В. Рязанцева. – М. : Наука, 2004.
 6. Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М. : Наталис, 2000. – с. 114–141; Дятлов В. Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. – М. : Иркутск : Наталис, 2005. – с. 166–187; Dyatlov V. I. The Chinese Migration to Siberia and the Beginning of the Formation of a New Diaspora // Current Research on Past and Present Asian and African Societies: Russian Oriental Studies/ Ed. By Vitaly Naumkin. Leiden-Boston: Brill, 2004. – P. 123–161
 7. Тренин Д., Витковская Г. Введение // Московский Центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. – М., 1999. – с. 7; Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. – М. : Муравей, 2001.– с. 51; Бурнасов А. Китайский рынок как логистический центр: на примере рынка «Таганский ряд» в Екатеринбурге // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством/ Отв. ред. В. И. Дятлов. – М.; Иркутск : Наталис, 2007. – С. 68–80.